

УДК 340 : 343

**Андрей Сергеевич
БАХТА,**

профессор кафедры
уголовного процесса
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
post_e_mail@mail.ru

**Алексей Петрович
ЛЫГА,**

доцент кафедры теории и истории
права и государства
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук
lygaaleksei@rambler.ru

**Василий Васильевич
БАБУРИН,**

профессор кафедры криминологии
и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
vvbaburin@mail.ru

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАЛОГА

HISTORY OF LEGISLATION AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE BAIL

В статье исследованы вопросы ретроспективного развития законодательного регулирования уголовно-процессуального залога, а также научных и правоприменительных подходов, определявших вектор эволюции практики применения данной меры пресечения. Определены социальные, экономические, политические и идеологические факторы, в соответствующие периоды государственно-правового развития влиявшие на частоту применения данной меры пресечения. На основе анализа достижений науки, положений законодательства, актов легального толкования законодательства, а также правоприменительной практики выявлены возможные направления развития правового регулирования данной меры пресечения. Проведенное исследование позволило обосновать выводы о нелинейном характере историко-правового развития меры пресечения в виде залога, выявить факторы, делающие данную меру пресечения мало применяемой, а также сформулировать предложения о перспективах развития законодательства.

The article considers the issues of retrospective development of legislative regulation of criminal procedural bail, as well as scientific and law enforcement approaches that determined the evolution of the practice of using this restrictive measure. The article identifies the social, economic, political, and ideological factors that influenced the frequency of use of this restrictive measure during different periods of state and legal development. Based on the analysis of scientific achievements, legal provisions, legal interpretation acts, and law enforcement practices, the article identifies possible directions for the development of legal regulation of this restrictive measure. The conducted research allowed the authors to substantiate the conclusions about the non-linear nature of the historical and legal development of the restrictive measure in the form of bail, identify the factors that make this restrictive measure rarely used, and formulate some proposals for the development of legislation.

Ключевые слова: история российского законодательства, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, залог, залогодатель.

Keywords: history of Russian legislation, state coercion, procedural coercion measures, bail, bailor.

Ретроспективное исследование эволюции правового феномена уголовно-процессуального залога в российском законодательстве позволяет проследить путь его развития, определить условия, под воздействием которых происходила его трансформация до современного состояния, а также обозначить вектор дальнейшего преобразования данного феномена. На доктринальном уровне это позволяет обобщить накопленные научные знания о тенденциях развития российского государства и права, а субъектам правоприменительной деятельности даст возможность сформировать четкое представление о генезисе правового регулирования и понимание его современного состояния.

В отличие от других мер пресечения залог (ст. 106 УПК РФ) обладает выраженным имущественным характером, для остальных мер пресечения приоритетной сферой воздействия выступает личная свобода. Кроме того, правовое регулирование залога обладает межотраслевыми связями и развивается в условиях конвергенции законодательства, что создает благоприятную почву для научного поиска, ориентированного на решение актуальных проблем правоприменения.

Дискуссия о принудительном потенциале залога и его эффективности в российской юридической науке ведется с момента появления нормативной регламентации данной меры пресечения в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС или Устав). Правовое регулирование залога в названном памятнике права обладало определенными особенностями, отличающими его от УПК РФ. Например, предмет залога был значительно уже: деньги или движимое имущество. Вид последнего закон четко не определял. К числу залогодателей относились обвиняемый или другое физическое лицо (ст. 79, 423 УУС). Критериями дифференциации суммы залога являлись строгость наказания, имущественное состояние залогодателя, а также размер вреда, причиненного преступлением и заявленного в иске потерпевшего, меньше которого залог не мог быть взят (ст. 80, 424 и 425 УУС). За счет предмета залога, в случае если обвиняемый скрывался от следствия и суда, обеспечивалось удовлет-

ворение исковых требований потерпевшего (ст. 427 УУС). Таким образом, залог выполнял не только пресекательную, но и факультативно правовосстановительную функции.

Мыслители того времени сформулировали актуальный и в настоящее время постулат о преимущественном воздействии залога на имущественные интересы личности, а также о его психологическом влиянии на обвиняемого, обязанного нахождением на свободе иному залогодателю, обязательства перед которым обладают существенной ценностью. Ученые отмечали, что залог следует считать эффективной мерой пресечения при ее применении в отношении лиц, для которых утрата любой суммы залога влечет ощутимые негативные имущественные и психологические последствия [12, с. 324; 2, с. 290].

Вектор развития практики применения залога и научные воззрения о нем после Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. изменились. Их определяли тенденции общественно-государственного развития, связанные с обобществлением собственности в эпоху «военного коммунизма», отсутствием у населения излишков частного имущества, отношением к залогу как к «суррогату тюремного заключения», выгодному буржуазии, покупавшей свободу на период следствия [8, с. 53, 71]. Наряду с таким подходом ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. устанавливала недопустимость замены лишения свободы залогом.

В 1927 г., на завершающем этапе нэпа и в преддверии грядущей «коллективизации», нарком юстиции Н.В. Крыленко отмечал: «...основными источниками права должны выступать здравый смысл и правильно выраженное классовое чутье...» [7, с. 1333]. В данном суждении отразилось формирование устойчивой тенденции последующих идеологических «перегибов» (вплоть до второй половины 50-х годов XX вв.) в сторону личного неимущественного принуждения в отношении «классово чуждых элементов» (первоначально «нэпманов» и «кулаков», позднее «врагов народа») и неприменения залога при том, что соответствующие изменения в УПК РСФСР 1923 г. внесены не были [5, с. 243-248].

Кроме того, выхолащиванию практики применения залога в 1930-1940 гг. способствовали ликвидация представителей зажиточных социальных групп, сформировавшихся в годы нэпа, в отношении которых ранее эта мера широко применялась [14, с. 362-363], отсутствие в Конституции СССР 1936 г. и УПК РСФСР 1923 г. положений о защите частной собственности (такого вида собственности в праве попросту не существовало), первоочередная правовая охрана социалистической собственности и средств производства (ст. 4 Конституции СССР 1936 г.), формирование партийно-бюрократического аппарата и руководящей роли ВКП(б), использовавших методы внеэкономического принуждения, искоренивших начала имущественных гарантий, обеспечивавших надлежащее поведение участников уголовного процесса [подр.: 9, с. 33].

Принятие в 1960 г. нового УПК РСФСР привело к незначительной модернизации института залога (к числу залогодателей в ст. 99 УПК РСФСР стали относить подозреваемого и общественную организацию). Апогеем развития доктринальных взглядов на систему мер пресечения и место в ней уголовно-процессуального залога следует считать период 1960-1980 гг., когда в науке активно обсуждались вопросы о целях и сущности залога [1, с. 11-12]. Несмотря на предпринимавшиеся шаги к совершенствованию правового регулирования в направлении развития имущественных гарантий участников уголовного судопроизводства, залог продолжал восприниматься как институт буржуазного права, чуждый советской идеологии и правосознанию граждан. Данная мера подвергалась критике и оценивалась как «неприемлемая» [6, с. 54], а регулирующие ее правовые нормы назывались «мертвыми» [8, с. 72-73], сложноприменимыми в силу излишней формализованности процедуры [подр.: 10, с. 240] или низкоэффективными [5, с. 41].

По названным причинам залог применялся редко [3, с. 19].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием процессов, сопровождавших переход государства от плановой к рыночной экономике, произошел рост общественной значимости личного благосостояния населения. Принятие закона «О собственности в РСФСР», установившего новый правовой режим имущественных отношений, а также введение в действие частей I и II ГК РФ выступили катализатором роста значения частной собственности. На этом фоне материальное стимулирование правомерного поведения приобрело новый смысл и повлекло возникновение идей о расширении целей залога [11, с. 116], определении в законе суммы (размера) залога [2, с. 128], возможности отказа залогодателя от принятых обязательств [15, с. 89-91] и других вопросов, вызывавших трудности в доктрине и правоприменении. Ценность обозначенного дискурса состоит в его ориентированности на адаптацию уголовно-процессуального законодательства к развивающимся общественным отношениям в сфере собственности, полноценное понимание существа и структуры которых в 1990-х гг. еще не сложилось.

В положениях ст. 106 УПК РФ развивается конвергенция отраслевого законодательства. Избрание, применение и исполнение решения суда о залоге требует от правоприменителя обращения к различным нормативным правовым актам (УПК РФ, ГК, ГПК РФ, положениям, утвержденным постановлениями Правительства РФ и межведомственными нормативными правовыми актами¹). Такое явление сформировало восприятие залога как сложноприменимой меры пресечения, требующей от субъекта производства по уголовному делу серьезных временных и физических затрат.

Дискуссионным является вопрос об участниках досудебного производства, могущих

1 Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности : постановление Правительства РФ от 13.07.2011 N 569; Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения выбран запрет определенных действий, домашний арест или залог 6 приказ Минюста России N 189, МВД России N 603, СК России N 87, ФСБ России N 371 от 31.08.2020.

инициировать процедуру избрания залога. Корректировка п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 41¹, по мнению В.Ю. Стельмаха, породила формирование двух порядков возбуждения ходатайства перед судом об избрании данной меры пресечения. Первый («общий») состоит в том, что суд, на основании ходатайства следователя или дознавателя рассматривает вопрос об избрании залога. Его правовую основу составляют положения гл. 13 УПК РФ, устанавливающей, что выбор меры пресечения является прерогативой субъектов расследования. Второй («специальный») порядок реализуется, когда в ходе судебного заседания по вопросу избрания другой меры пресечения от подозреваемого, обвиняемого или иного залогодателя поступает ходатайство об избрании залога [13, с. 29-34].

Проведенное интервьюирование показало, что указанный «общий» порядок правоприменители оценивают критически. Это обусловлено дополнительными обременениями следователя/дознателя, отвлекающими их от доказывания, а именно оценкой предмета залога, проверкой законности происхождения имущества, относимости его к перечню, предусмотренному ст. 446 ГПК РФ² и другими. Все же отметим, что позиции органа высшего судебного контроля, а также точка зрения названного исследователя заслуживают позитивной оценки, поскольку расширяют пределы усмотрения властвующих участников уголовного процесса в вопросе выбора эффективной меры пресечения, основываются на общих принципах права, обосновывающих властный характер применения государственного принуждения в уголовном судопроизводстве. При этом подчеркнем, что именно отсутствие формальной определенности «общего» порядка ограничивает развитие практической деятельности в этом направлении.

Данные официальной государственной статистики свидетельствуют о том, что залог применяется редко. Так, за период 2018 г. – 6 месяцев 2025 г. (7,5 лет) он избирался 1004 раза. Для сравнения: заключение под стражу в указанный период избиралось 661 681 раз³, то есть в 65,9 тыс. раз чаще, чем залог. Убеждены, что залог не востребован в правоприменении в силу таких особенностей правового регулирования, как неурегулированность процессуального статуса «иного залогодателя» и неразвитость порядка применения залога (например, за счет имплементации отдельных формально определенных элементов механизма реализации залоговых отношений из гражданского законодательства).

В правовом регулировании залога не содержится императив, обязывающий залогодателя вступать в процессуальные отношения. Напротив, он инициативно предлагает предмет залога, выражает волеизъявление распорядиться правом собственности, самостоятельно передает его органу, в производстве которого находится уголовное дело, в определенных случаях несет бремя его содержания и бремя имущественной ответственности. Его функция состоит во вспоможении органу, осуществляющему производство по уголовному делу, путем создания условий для избрания и применения меры пресечения. В силу сказанного заинтересованность органа, осуществляющего производство по уголовному делу, в залогодателе должна быть достаточно высокой. Все же, несмотря на значимость функций указанного участника уголовного судопроизводства, его процессуальный статус урегулирован недостаточно.

Практическая деятельность изобилует примерами изменения залога на более строгую меру пресечения в связи с нарушением обвиняемым условий его избрания и обращения предмета залога, переданного «иным

1 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

2 По результатам интервьюирования 17 следователей и 21 руководителя следственных подразделений МВД России и СК России, осуществляющих деятельность на территории Алтайского и Пермского краев, Томской и Новосибирской областей.

3 Отчет формы N 1 «О результатах деятельности судов общей юрисдикции и мировых судов» за 2018 – первое полугодие 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

залогодателем», в доход государства. Данный аспект демонстрирует, что морально-нравственные обязательства обвиняемого перед «иным залогодателем» не всегда являются эффективным мотивом надлежащего поведения. Это отчасти объясняет причину нежелания иных лиц выступать в качестве залогодателя.

Примером сказанного следует привести обстоятельства уголовного дела, связанного с хищением денежных средств участников рынка ценных бумаг в сумме около 500 млн рублей. В отношении обвиняемого была избрана мера пресечения в виде залога. Предметом залога суд определил денежные средства в сумме 5 млн рублей. Залогодателем выступило «иное лицо», которому до истечения срока меры пресечения стало известно о намерении обвиняемого скрыться. Обращение к следователю с ходатайством о возврате суммы залога в связи с отсутствием такого порядка повлекло вынесение решения об отказе в его удовлетворении. В результате инициативной явки залогодателя в судебное заседание, проводившееся по вопросу продления меры пресечения и сообщения известных ему сведений, суд изменил меру пресечения на домашний арест. Предмет залога возвращен залогодателю¹.

Сказанное позволяет сделать обоснованный вывод о том, что правовой статус «залогодателя» нуждается в модернизации. Законодательное решение в виде дополнения УПК РФ примечанием к ст. 106 УПК РФ, содержащим определение «залогодатель в уголовном судопроизводстве», перечень его прав, обязанностей и ответственности, позволило бы пропорционально усилить принудительный потенциал залога, а также повысить обеспеченность имущественных интересов данного участника уголовного процесса. К числу прав «иного залогодателя» могут быть отнесены такие, как осуществление контроля за поведением подозреваемого, обвиняемого, принятие мер к обеспечению его явки, а также возможность отказаться от принятого обязательства.

Мера пресечения в виде залога полностью ограничивает оборотоспособность залогового имущества на весь период действия меры пресечения. Возможность замены предмета залога допускается Верховным Судом РФ с использованием аналогии права (ч. 4 ст. 345 ГК РФ), но только в случаях его уничтожения или повреждения (например, в результате пожара) либо когда право собственности на него или право хозяйственного ведения прекращено по основаниям, установленным законом². Позиция органа высшего судебного контроля весьма избирательная и без объяснения причины не рассматривает иные положения ГК РФ, устанавливающие возможность инициативной замены залогодателем предмета залога на имущество, которое залогодателю наиболее удобно предоставить.

Подводя итог, отметим следующее. Проблемные вопросы, рассмотренные в статье, являются дискуссионными. Их выбор основан на анализе динамики развития общественных отношений в сфере собственности, эволюции доктринальных представления об имущественном принуждении в уголовном процессе, основу которых составляют политические и идеологические аспекты преобразований общественно-государственных отношений, отражающихся в правовом регулировании.

Содержание законодательных установлений об уголовно-процессуальном залоге и практика применения данной меры пресечения на различных этапах истории российского государства развивались нелинейно. В условиях, когда право собственности приобретало высокую общественную значимость, а имущественное принуждение становилось действенным средством корректировки поведения, права и свободы личности оценивались через призму позитивизма и охранялись на общегосударственном уровне (как это было в эпоху Устава). Напротив, в периоды господства идеологических установок, обобществляющих собственность в руках государства и подавляющих частный имущественный

1 Решение Свердловского районного суда г. Перми от 21.11.2025 по делу N 3-14-84-2025.

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

интерес в публичных целях, вектор принуждения в уголовном судопроизводстве изменялся в сторону превалирования практики применения неимущественных мер принуждения.

Дальнейшее развитие правового регулирования залога должно происходить с учетом тенденций общественного развития. Высокая значимость отношений в сфере собственности и формальная рассогласован-

ность средств обеспечения и восстановления нарушенных прав создают условия незначительной привлекательности рассматриваемой меры пресечения для залогодателя. Изменение восприятия залога в позитивную сторону видится возможным в случае принятия законодателем мер к модернизации правового регулирования статуса «залогодателя» в направлениях, рассмотренных в тексте статьи.

Библиографический список

1. Булатов, Б.Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.Б. Булатов. – М., 1980. – 18 с.
2. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
3. Гуткин, И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе : лекция / И.М. Гуткин. – М., 1963. – 43 с.
4. Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – М., 1905. – 464 с.
5. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З.З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – 136 с.
6. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 137 с.
7. Крыленко, Н.В. На рубеже / Н.В. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – N 43. – С. 1332-1334.
8. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М., 1964. – 138 с.
9. Лыга, А.П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Лыга. – Омск, 2023. – 253 с.
10. Лыга, А.П. Тенденции развития мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера по УПК РСФСР / А.П. Лыга // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27. – N 3. – С. 243-248.
11. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М., 1989. – 252 с.
12. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб., 1914. – 546 с.
13. Стельмах, В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения / В.Ю. Стельмах // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2022. – N 3. – С. 29-34.
14. Титов, Ю.П. История государства и права России / Ю.П. Титов. – М., 2006. – 563 с.
15. Шейфер, С.А. Применение залога как меры пресечения / С.А. Шейфер, С.И. Вершинина // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – N 4. – С. 84-85.